

НУ, КОНЕЧНО, мне повезло, что в этот день на сцене отдавали дань не восточной экзотике и не парижскому шику, а рассказывали о наших героических современниках-севастопольцах. Уже в самом начале спектакля «Севастопольский вальс» не могла не привлечь трепетная, сердечная интонация, с которой театр (режиссер М. Дотлибов) говорил о большом и важном — о любви к Родине, о красоте и верности человеческого сердца. Севастополь, осажденный немцами, был для его защитников не просто драгоценным кусочком родной земли, но и символом того дорогого в нашей жизни, на что покушались враги. Все эти чувства хорошо прозвучали в первой встрече с «Севастопольским вальсом», именем которого назвал К. Листов свою широко известную оперетту. И хотя спет вальс был негромко, вполголоса, эмоциональный эффект оказался большим. Возвращаясь с особым вниманием приглядываясь мы к актерам. И сразу заметили и оценили внутреннюю наполненность, сосредоточенность Ю. Цыганкова (морской офицер Дмитрий Аверин), покоряющую искренность Т. Романова (Любаша), молодое обаяние В. Сердюкова (Генка Бессмертный).

Впечатления эти не оказались случайными. «Севастопольский вальс» нельзя не признать серьезной и, очевидно, любимой работой новосибирского коллектива, привлекающей внутренней цельностью, бескомпромиссностью постановки основного вопроса. А вопрос этот — вопрос «вечный». Имя ему — любовь. И ведут эту тему две героини — севастопольская девушка Любаша и бывшая жена Дмитрия Аверина — певица Нина Бириозова.

Любаша, конечно, главное действующее лицо спектакля. Не случайно и имя у нее символическое — Любаша, Люба, Любовь... Любовь, какой она должна быть, — вот что такое Любаша. Узнав Аверина в трудное время войны, Любаша оценила в нем лучшие качества — верность долгу и Родине, отвагу, чистоту сердца. И скромно и гордо, с чувством огромного человеческого достоинства пронесла свою любовь через все испытания.

Любаша в спектакле — образ не только индивидуальный, особенный, но и широкое художественное обобщение. Она — дань глубокого восхищения авторов оперетты нашей советской женщиной, плечом к плечу с мужчиной прошедшей по годам войны. Эта публицистическая сторона образа хорошо прочувствована актрисой. Не случайно по-настоящему центральной стала в спектакле сцена объяснения Любаши и Аверина, посмеяшего под влиянием личных переживаний оскорбительно отозваться о женщинах. Самозабвенно проводит Т. Романова последнюю вокальную сцену, напоминая не только Аверину, но

и всем нам, зрителям, о тех девушках в солдатских шинелях, «которые умели воевать и любить».

Но повезло театру не только с Любашей. Живым характером являлся в спектакле и Нина в исполнении А. Ладьяженской. Мы говорим «повезло», ибо роль эта выписана драматургами несколько схематично. Актрисе пришлось многое «дописать». Зато мы хорошо поняли причину жизненного краха певицы Бириозовой. Если добавить к этому благородную, выразительную манеру игры исполнительницы, красивый, свободно льющийся голос, то станет и вовсе понятной причина зрительского интереса к актрисе, обратившей на себя внимание во многих спектаклях этого театра.

Да, «Севастопольский вальс» — это спектакль четкой темы. Правильно понята коллективом и еще одна особенность произведения. — рассказывая о

словно старинная, заключенная в изысканную рамку миниатюра. Это сразу дает нам единственно верное ощущение стиля спектакля. Так, очевидно, и нужно его играть — рассказывать безыскусную повесть о старом времени.

И все же «Король вальса» — это о Штраусе. И это — опять о любви. В спектакле, поставленном В. Гриммом, этой-то сердцевини, этой «души» и не оказалось.

Хороша, тактична, скромно мила Элиза в исполнении А. Ладьяженской. Профессионален и убедителен И. Безуглов в небольшой роли издателя Йогансона. И — это все. Слово подменили знакомых актеров. Как-то уж очень обидно бесцветен Ю. Цыганков и совсем не похож на влюбленного сочинителя зажигающих душу мелодий. Недостаточно разработанным психологическим представляется характер Эдита Флавоу у О. Башниной. В. Сердюков — Людвиг впрямь растерял куда-то звонкость и молодость, — и пасадная пара (он выступает вместе с В. Болле) тоже получилась не очень классной... Добавим к этому пожелания относительно качества вокала, недостаточно выразительные по замыслу и исполнению хореографические номера (а балета в этом спектакле немало)...

Я полагаю, не было бы нужды говорить о всем этом, если бы не давали повода для таких размышлений другие спектакли новосибирского коллектива.

Думается, что путь, избранный новосибирцами на свердловских гастролях, все-таки не совсем верен. Ведь, делая главный упор на «Короля вальса» и «Баядеру», они заведомо решили показать нам не свою лучшую сторону.

Я уже слышу возможные возражения: разве, скажем, в протяжении популярной «Веселой вдовы» нет острой и современной задумки? И разве новое либретто В. Массе и М. Червинского не дает этой оперетте прочное право на жизнь? Да, это так. Но чтобы признать нынешнюю «Вдову» хорошим и звонким спектаклем, надо закрыть глаза на актерские недоработки, низкое качество оформления, плохой балет... Начинаю уже повторяться!

До сей поры мы, свердловчане, знали о Новосибирском театре только по отрывкам прессы. Знали о его творческой и физической молодости, о его удачных работах. Очевидно, сейчас театр переживает как-то трудности. Многие в нем нас не может удовлетворить. Как убеждают лучшие его спектакли, лучшие работы его актеров (часто актеров талантливых, идущих), силы в коллективе, конечно, есть. Но их надо постоянно поддерживать творческой строгостью, духом поиска.

Ю. МАТАФОНОВА.

● Гастроли Новосибирского театра оперетты

РАЗМЫШЛЯЯ И СРАВНИВАЯ

Проблема репертуарной афиши для театра оперетты все еще остается проблемой номер один. Вряд ли найдется человек, который возьмет на себя смелость утверждать, что она решена хотя бы в общих чертах. А пока театрики жанра ломают копья, каждый из театров решает эту проблему по-своему. В одних там называемая «классика» и столь прочком загоном, что вспомнить содружники «Маричь» или «Баядеру» в состоянии разве что пенсииеры, хранящие в сердце «лучшие времена». В других, наоборот, на сцене прочно царствуют и страдают сильвы, цыганские бароны, веселые вдовы и прочие. И хотя последние требо-

вания и искусству в том и другом случае толкуют на прогрессивный компромисс (театры, тяготеющие и «Маричам», все же ставят и современные оперетты, а их антиподы нет-нет да и обращаются и классике), определить наличие крайности все же нетрудно.

Вот и новосибирцы, приехавшие и нам с гастрольюми, не срывая, признались публике перед началом своего первого спектакля, что привезли лишь четыре советских названия, а все остальное оставит «классика». Уточнив этот тезис с точки зрения количества спектаклей, получаешь, кажется, еще более ясную картину.

личном, о перипетиях судеб героев, авторы оперетты все время рассказывают и об истоках высокой требовательности советского человека к себе и окружающим его людям. Они рассказывают о нашей высокой морали, о нашем патриотизме. Вот откуда масштабность спектакля. Вот откуда его основной эмоциональный заряд.

Как жаль, что приходится говорить и о «минусах». Уже не в первой работе наших гостей мы встретились с отсутствием бережного отношения к внешнему художественному образу спектакля. Неприятные костюмы, затасканность реквизита... А декорации! Ведь Севастополь — сине моря и синь небес. И солнце, солнце... А где этот праздник на сцене — ирадчик, без которого, как известно, оперетта — не оперетта.

Об известной «поношенности» одежды спектакля можно бы говорить и применительно к другой работе новосибирцев — «Королю вальса» на музыку И. Штрауса. Хотя радостно подчеркнуть: роль художника здесь оказалась куда более велика. С. Болле оформил эту непрязательную оперетту с банальным сюжетом из жизни знаменитого «короля вальсов» с неприязательностью и наивностью совершенно сознательной. Особенно хороши задники —

уральский рабочий г. Свердловск

х. 8 ЮМ 1970